

АНТОНИЙ,
архиепископ Минский и Белорусский

О ХРИСТИАНСТВЕ В ПОМПЕЯХ И ГЕРКУЛАНУМЕ

Эта небольшая статья имеет целью рассказать об одном из замечательных открытий последних десятилетий — о христианских надписях и изображениях, найденных в Помпеях и Геркулануме, городах, погибших при извержении Везувия в августе 79 г. н. э. Правда, те находки, о которых будет идти речь ниже, вызывают много вопросов, до сих пор не получивших еще окончательного объяснения, но уже сейчас ясно, что они имеют первостепенное значение для истории раннехристианской Церкви.

В течение многих столетий древнейший период христианства изучался лишь на основе памятников, созданных внутри Церкви: Деяний Апостольских, посланий апостолов, посланий Климента Римского, творений Игнатия Богоносца, «Пастыря» Ерма, сочинений апологетов и мужей апостольских, Ириней Лионского, Оригена, Тертуллиана и других. Для целого ряда церковных дисциплин — литургики, догматического богословия, канонического права и других — иные источники и не нужны. Но для изучения распространения христианства или же устройства первых христианских общин этих источников недостаточно, ибо проповедь христианства уже в I в. н. э. не исчерпывается деятельностью апостола Павла, его учеников и учеников других апостолов; созданные ими общины продолжали начатую апостолами миссию. До недавнего времени мало что можно было сказать об этой проповеди, кроме того, что она продолжалась. Некоторые подробности могли сообщить источники, вышедшие не из Церкви. Но их было очень мало. Лишь в последние десятилетия успехи папирологии, эпиграфики, археологии пролили новый свет на наименее изученную пору в истории христианства — его древнейший период, начинающийся с основания Церкви Иисусом Христом и простирающийся до Константина Великого. Римские катакомбы и свитки Мертвого моря, папирусы, содержащие текст Евангелия от Иоанна, датированный 125—130 гг. н. э., т. е. спустя 30—40 лет после написания, и находки в Палестине — это далеко не полный перечень новых открытий. Среди них не последнее место занимают и надписи из Геркуланума и Помпей.

Помпеи и Геркуланум — небольшие города, расположенные в 7—12 км от подножия Везувия. Помпеи — очень оживленный торговый и промышленный городок, с населением тысяч в 20. Геркуланум — «город-дача», обиталище многих богатых римлян, наслаждавшихся здесь прекрасной природой, покоем тихой провинциальной жизни. Оба города находились в «счастливой Компании», славившейся своим климатом и обилием плодов земных. Соседство с Везувием не считалось опасным. Этот вулкан давно бездействовал; к нему настолько привыкли, что не боялись находиться на самой его вершине. Лишь землетрясение 63 г. н. э. показало, что вулкан еще жив. Но люди не поняли опасности: у подножия Везувия и после 63 г. продолжали жить тысячи компанцев.

24 августа 79 г. над Везувием поднялось огромное облако пара. Ночью началось сильное землетрясение. Днем 25 августа было уже темно, как ночью. Геркуланум, расположенный ближе к Везувию, был залит раскаленной лавой, Помпеи и Стобии — только засыпаны пеплом, толщина которого достигла 6 м. Часть жителей успела бежать, но мно-

гие погибли: кто при попытке уйти, кто в своих домах и подвалах, где думали переждать опасность.

Раскопки Геркуланума начались в 1738 г., Помпей — в 1748 г. За столетия, благодаря труду нескольких поколений исследователей, раскопана большая часть этих городов, открыты сотни домов, в которых найдены мозаичные и живописные изображения, домашняя утварь и множество надписей.

Среди многочисленных открытий внимание ученых привлекли несколько находок, говорящих о проповеди христианства в этих городах до их гибели.

Помпеи

I

В 1885 г. немецкий археолог Август Мау, руководивший раскопками в Помпеях, нашел на стене одного дома надпись на латинском языке. Это — начертанные одно над другим и не составляющие вместе связного предложения два слова: «Содом» и «Гоморра». Подлинность самой надписи сомнений не вызывает; споры возникли вокруг другого вопроса: кто оставил эту надпись — иудей или христианин? Сам А. Мау писал в 1909 г., что «надпись, кажется, принадлежит еврею или христианину». Пребывание евреев в Помпеях — факт достоверный, существование же там христиан в I в. н. э. казалось мало вероятным. По крайней мере в XIX в. об этом ничего не было известно. И до сих пор нет единого мнения по этому вопросу.

В пользу еврейского происхождения надписи по существу можно привести только один аргумент — принадлежность образа Содома и Гоморры еврейской традиции. Но это обстоятельство, взятое само по себе, еще ни о чем не говорит: использование Ветхого Завета в Новом — в форме ли прямых цитат или упоминания о событиях, принадлежащих ветхозаветной истории, — не только встречается постоянно и является обычным, но вытекает из самой сути их взаимосвязи, поскольку Новый Завет есть исполнение Ветхого. Поэтому приведенный аргумент никак не может иметь решающего значения. Лишь определив смысл надписи и выяснив ее подтекст, можно будет сказать, кем она оставлена.

Надпись, как уже говорилось, выцарапана на стене одного из помпейских домов и относится к тому типу надписей, которые называются graffiti. (Graffiti могли быть нанесены очень быстро, в течение нескольких минут любым острым предметом. Они не требовали ни специальной подготовки поверхности, на которой наносились, ни особого орудия письма.) Это — весьма важное обстоятельство, так как специалисты, исходя из содержания надписи, связывают ее появление с одним из двух трагических моментов в истории Помпей: либо с землетрясением 63 г., либо с извержением Везувия в 79 г., погубившим город. Правдоподобнее второе: Содом и Гоморра погибли от огня и серы, спустившихся с неба (Быт. 19, 24), и это сближает их с Помпеями. Надпись могла быть сделана или в момент гибели города, когда жители, надеясь переждать опасность и спасаясь от раскаленного пепла, смешанного с дождем, прятались в домах и затворяли покрепче двери, а знавшие ветхозаветное Писание невольно вспоминали Содом и Гоморру, или же сразу после гибели, когда успевшие спастись вернулись на родное пепелище. Нельзя не признать, что здесь текст Бытия (19, 24) использован как никогда уместно: в этих двух коротких словах — и признание заслуженности понесенного наказания, и сознание греховности, и предостережение на будущее, и ощущение всегда и везде исполняющихся слов Священного Писания, неотвратимого действия Промысла Божия.

Какое значение имели Содом и Гоморра в ветхозаветной традиции? Лишь в двух случаях, кроме книги Бытия, они упомянуты в Ветхом За-

те — в книге пророка Исаии (1, 9—10) и в книге пророка Иеремии (23, 14). В первом случае обращено внимание на милосердие Божие, спасающее верующих в Бога от уподобления Содому и Гоморре; во втором — Содому и Гоморре уподобляются иерусалимские пророки, которые поддерживают злодеев, «чтобы никто не обращался от своего нечестия».

Совсем другое звучание, никогда не встречающееся ни в Ветхом Завете, ни вообще в еврейской традиции, получают эти слова в Новом Завете. Они упоминаются в нем неоднократно: Мф. 10, 15; Мр. 6, 11; Лк. 10, 12; 17, 28—29; 2 Петр. 2, 6; Иуд. 7; Рим. 9, 29; Откр. 11, 8. Особенно важны для нашей темы Мф. 10, 15 и 2 Петр. 2, 6. В этих местах Священного Писания дано новое понимание истории Содома и Гоморры, и оно прочно вошло в христианскую традицию. Здесь показано, что постигнет и в этой, и в будущей жизни тех, кто не выполняет заповеди Божии, отходит от жизни в Боге. Именно такой смысл вложен в помпейскую надпись. Помпеи, судьба которых сопоставляется с судьбой Содома и Гоморры, покарало правосудие Божие за блуд и нечестие, т. е. за что в свое время погибли Содом и Гоморра. Такое осмысление событий свойственно только первым христианам; именно для них Римская империя и то, что с ней связано, — воплощение разврата и нечестия. Для евреев такое отношение к империи не характерно. Более того, ни в одном памятнике еврейской диаспоры или самой Палестины этого времени — а их известно достаточно много и они хорошо изучены — Содом и Гоморра ни разу не упомянуты вообще. По своему внутреннему смыслу, по тому духовному содержанию, которым она наполнена, помпейская надпись — христианская и в таком случае первый по времени памятник подобного рода, возникший к тому же, вероятно, в среде простых христиан. Ценность этой надписи для истории христианства определяется не только ее древностью, но и тем, что в ней налицо новое отношение к человеческой жизни и к истории мира.

II

В Помпеях найдены и другие надписи, в которых угадывается тот же смысл, что и в надписи «Содом» и «Гоморра». Итальянский археолог Маттео делла Кортэ связывает с христианами надписи в доме, принадлежавшем Помпеям¹. Этот дом, по устройству и убранству обычный среди помпейских богатых домов, отличается от них небольшим домашним театром. В помещениях, входящих в театр, были найдены мраморные рельефы с театральными масками, на дисках — изображения сатиров, менад и кентавров, а также мраморная статуэтка Мельпомены — покровительницы театра. В перистиле этого дома была обнаружена надпись на греческом языке, которую Маттео делла Кортэ интерпретирует как молитву за Нерона: «Ἐπιμήθη, Πρῆμοιγένης Πύπλεικος καίσαρος» («Я, Примигений Публиций, вспоминал Кесаря»)². По предположению делла Кортэ, в домашнем театре дома Помпеев мог выступать сам Нерон, который под влиянием жены любил и ее город. И вот в этом-то доме нашли такие надписи:

а) *post ruinam* (после разрушения);

б) *Cotini voto, post fata novissima [poculum] quo lilat Pellex, saxa cinisque tegunt* (по молитвам Котина, по последнему решению судьбы, кубок, из которого совершала возлияния блудница, покрыт пеплом и камнями);

в) *quinginta erant [adsunt] exinde iacentes* (пятьдесят, которые были здесь, теперь лежат [бездыханные]).

¹ Из семейства Помпеев происходила Помпея Собина Младшая, жена Нерона, соучастница, а часто и зачинница многих его преступлений; это по ее наущению Нерон приказал умертвить свою мать Агриппину и свою жену Октавию.

² *Matteo della Corte. Casa ed abitani di Pompei. Roma, 1954, p. 102.*

г) *sol Gelidam contra firmat Plaquideam gentem* (солнце укрепляет мирный род против хладных [злых]).

Вероятно, надписи были сделаны первыми раскопщиками Помпей, жителями города, которые, когда Везувий утихомирился, вернулись, чтобы спасти то, что можно, из своих богатств.

Делла Корте считает, что: а) *guina* (разрушение) — свидетельство о гибели Помпей; б) *pellex* (блудница) относится к Поппее; Котин — кто-то из влиятельных христиан, призывавший кару небесную на грешников; в) «пятьдесят» (трупов) — жители дома Поппеев, где найдены надписи. Эти отрывочные надписи содержат то же сознание человеческой греховности и заслуженности наказания, которое в более общем смысле звучало в начертанных наспех словах «Содом» и «Гоморра».

III

В 1955 г. в Помпеях, в районе I, в одном из домов XIII инсулы, было найдено изображение креста (высота 20 см, ширина 11 см) и над ним три буквы *viv*, которые делла Корте прочитал как *vivat crux vivat*. Содержание этой надписи, как указывает делла Корте, — возведение, восхваление креста, который нарисован под ней¹.

Многие специалисты, в том числе и делла Корте, связывают изображение креста и надпись над ним с существованием христианства в Помпеях еще до 79 г. н. э.; другие (среди них есть ученые католические и протестантские) оспаривают христианское происхождение этого изображения на том основании, что в это время не существовало еще четко выраженного «крестного богословия» и «культы креста».

Однако сила и значение креста Христова глубоко раскрыты уже в Новом Завете. По словам апостола Петра, Христос Спаситель «грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды» (1 Петр. 2, 24). Это древо крестное явилось орудием искупления мира и носителем очистительной силы, так что крест и спасительная жертва Христова неотделимы (см. Ин. 12, 32; Рим. 6, 2—23; 1 Кор. 1, 18, 24; Гал. 6, 14 и др.). В текстах Нового Завета заключено уже все «крестное богословие», которое впоследствии было лишь раскрыто более полно и детально. Следовательно, упоминание о кресте у первых христианских авторов, даже только как об орудии смерти Иисуса Христа, несет в себе всю полноту величия и глубокого значения креста Христова.

Уже первые христиане, вышедшие как из еврейской, так и из греческой среды, очень рано — на рубеже I—II веков н. э., — как указывает Ж. Даниелу², стали пользоваться знаком креста (крестным знаменем) при совершении таинства крещения.

Изображение креста из дома инсулы XIII в Помпеях, с одной стороны, и, с другой — литературные памятники I—начала II в.: «Дидахи», Послание Варнавы, Послание к Коринфянам Климента Римского, «Пастырь» Ерма и другие, а также оссуарии (вместилища для костей), найденные в Палестине, отделены друг от друга всего одним-двумя десятками лет. Как известно, в литературе находит отражение то, что уже в течение определенного времени бытует в сознании людей и в жизни. Поэтому, вероятно, справедливо предположение, что отмеченная в литературе рубежа I—II веков н. э. символика креста в жизни христиан появилась раньше этого времени; скорее всего, она существовала непрерывно от апостольских времен. Таким образом, отпадает главный аргумент против христианского происхождения изображения креста в Помпеях.

¹ Дословный русский перевод не раскрывает полностью смысл надписи: «да живет (или: да здравствует) крест», «радуйся, кресте».

² J. Daniélou. Le signe du tau в сборнике «Les symboles chrétiens primitifs». P., 1961, p. 143—152.

Помпеи находятся менее чем в 10 км от ПUTEОЛ, где апостол Павел во время своего путешествия в Рим провел под стражей семь дней (Деян. 28, 13—14), причем он нашел там уже вполне организованную христианскую общину. Стража не была строгой, а апостол Павел мог отлучаться и проповедовать. Вполне возможно, что за эти семь дней он посетил ближайшие селения — Помпеи и Геркуланум и проповедовал там, или жители этих городов приходили в ПUTEОЛЫ послушать слово апостола. В ПUTEОЛАХ, как мы знаем из книги Деяний, апостол Павел задержался не по собственному желанию: его упростили остаться там местные христиане. Можно предположить, что эти просьбы были настойчивые и слушать проповеди апостола нашлось много желающих, если эта задержка длилась семь дней. Стоит ли после этого удивляться тому, что в Помпеях к 79 г. оказались христиане?

IV

В 1950-е же годы в Помпеях была сделана еще одна находка, которая заслуживает самого пристального внимания. У входа в один дом было обнаружено изображение, где среди обычных языческих сюжетов помещена птица феникс с двумя фланкирующими ее павлинами. Под изображением сохранилась латинская надпись: «*phoenix felix et tu*» («феникс, и ты счастливый»). Известно, что еще при Клименте Римском (Послание к Коринфянам 1, 25) образ феникса прочно вошел в христианскую жизнь как символ воскресения и бессмертия. Но символика этой птицы своими корнями уходит в глубь веков; по мнению ряда ученых, она была известна и ветхозаветному еврейскому обществу под именем шул и, по толкованию раввинов, считалась бессмертной, потому что в раю не ела плодов древа познания добра и зла. В христианство символика феникса, как можно предполагать, пришла скорее всего по этой линии, она получила лишь новое осмысление. Во всяком случае упоминание о птице феникс уже у Климента Римского (он подробно описывает даже ее символику) указывает на большую древность этой традиции. Позднее о ней пишут Ориген (4-я книга «Против Цельса») и Тертуллиан, у которого фениксу посвящен трактат «О воскресении плоти». В дальнейшем изображение этой птицы часто встречается на христианских надгробиях и в мозаиках.

Изображение павлина также широко распространено в христианском искусстве. Его символика, подобно образу феникса, связана с идеей бессмертия. По древнему преданию, тело павлина не поддается тлению; такого мнения придерживались еще Пифагор и Платон. Точно так же в символике времен года павлин служил для обозначения весны в целом и в частности — месяца мая, а весна в свою очередь считалась образом воскресения, обновления жизни. «Зима и лето, весна и осень возвращаются со своими силами, со своими плодами, со своими влияниями... Итак все это круговращение природы есть свидетельство воскресения мертвых», — писал Тертуллиан («О воскресении плоти», XII). В христианском искусстве павлины изображались обычно друг против друга, а между ними — сосуд с хлебами или без них. В обоих случаях сосуд знаменовал Евхаристию — или Тело, или Кровь Христову. Значение этого изображения таково: кто вкусит Тела и Крови Христа, тот обретет бессмертие. Интересно, что на помпейской фреске и феникс и павлины изображены вместе, причем павлины даны именно в той описанной уже композиции, которая впоследствии стала самой распространенной, в ней не хватает только чаши.

V

Две другие помпейские надписи известны достаточно давно и с момента открытия привлекают внимание специалистов и вызывают ожив-

ленную дискуссию. Одна из них находится на колонне западного портика палестры (во II районе перед амфитеатром), другая — в перистиле дома № 1 VII инсулы, в I районе. Первая надпись заключена в квадрат, вторая дошла не полностью, но ее тождественность с первой сомнения не вызывает. Вот эта надпись:

R	O	T	A	S
O	P	E	R	A
T	E	N	E	T
A	R	E	P	O
S	A	T	O	R

Позднее такие же надписи были найдены в Аквинкуме — римском городе на берегу Дуная (начало II в. н. э.), в Дура-Европосе — римском городе в Месопотамии (три надписи — около 250 г. н. э.), в Киренкесторе — римском городе на территории Англии (IV в. н. э.), на амулете из Малой Азии (Берлинский музей), где над надписью находятся начальные буквы имени Иисуса Христа, в Египте и на папирусах. В настоящее время известно 18 таких надписей, но помпейские — самые древние¹. Специалисты обратили внимание на то, что: 1) слова надписи содержат какой-то тайный смысл и составляют ребус и 2) каждое слово можно прочесть как слева направо и справа налево, так и сверху вниз и снизу вверх — в любом порядке получается слово, входящее в этот ребус. Между 1924 и 1927 годами три специалиста: Х. Франк из Кауфберна, Ф. Гроссер из Хемница и С. Агрелл из Лунда — предложили расшифровывать эту надпись, как начальные слова «Отче наш» (Pater noster) с альфой и омегой под и над перекрестием. Эту точку зрения поддержали такие ученые, как Г. Литцманн, М. И. Ростовцев, Фр. Кюмон. Однако такая расшифровка ROTAS — квадрата вызвала критику со стороны других крупных специалистов (Г. Жарфанион, К. Ватцингер, Ф. Дёлгер и др.).

В 1953 г. Ж. Каркопино предложил новое объяснение этой загадочной надписи, которое поддержал и развил Ж. Даниелу². Оба ученых пришли к выводу, что надпись изображает крест, судя «по общему расположению и по месту в ней буквы тау (Т), символизирующей крест». Кроме того, Ж. Каркопино сблизил слово AREPO с кельтским агерепис (плуг), а плуг, как доказал Ж. Даниелу в упомянутой выше статье, в раннем христианстве заменял изображение креста. Ж. Даниелу связал эту надпись также с текстом из сочинения св. Ирины Лионской «Против ересей» (IV, 34, 4) и увидел в ней антигностическую направленность.

В настоящее время среди различных расшифровок и объяснений ROTAS — квадрата самым убедительным и обоснованным кажется предположение Каркопино — Даниелу, хотя едва ли наступит такое время, когда прекратятся разногласия по поводу истолкования этой надписи: как всякая загадка, она дает пищу для разных ответов³.

¹ Любопытно, что этот ROTAS — квадрат, — как называют эту надпись, дожил до позднего времени и вошел даже в русские народные обычаи. По словам И. П. Сахарова, с этих слов начинались магические заклинательные песни у белорусов и других народов. Смысл и значение их никто не понимал, но традиция возводила эти песни к Соломону (И. П. Сахаров. Сказания русского народа. Т. I. Русское народное чернокнижие, СПб., 1885, с. 96—98).

² J. Daniélou. La charpe et la hache в сборнике «Les symboles chrétiens primitifs». P., 1961, p. 95—107.

³ Кроме приведенных объяснений ROTAS — квадрата, есть и другие, которые видят в ней и магическую надпись, и заклинание; некоторые специалисты связывают ее с культом Митры, Орфическо-елевсинскими таинствами и т. д.

Геркуланум

В 1938 г. в Геркулануме, на главной улице города, был обнаружен дом, который получил название «дом двухсотлетия» по случаю исполнившегося в этом году юбилея — начала раскопок в Геркулануме. Дом этот — очень богатый и большой, с разнообразным и ценным убранством — принадлежал, по-видимому, богатой семье, хотя имя владельца установить не удалось. «Дом двухсотлетия» получил мировую известность, но приковал он к себе внимание специалистов не богатством убранства, не живописью и мозаиками, а маленькой скромной комнатой, предназначавшейся для прислуги. В этой комнате (размер ее — $3 \times 2,7$ м) на стене, расположенной напротив входа, находится углубление в форме креста (высота креста — 43 см). Сам крест — вероятно, деревянный — не сохранился. Железные штыри и петли по бокам ниши, в которой находился крест, говорят о том, что он закрывался ставнями. У стены с нишей, под крестом, помещался небольшой деревянный шкаф, покрытый широкой деревянной крышкой. Это сооружение было воспринято как престол, на котором совершалась Евхаристия, а все помещение — как маленькая домашняя церковь. Крупнейший итальянский специалист по Помпеям и Геркулануму А. Маюри говорит об этом так: «Интерпретация, которая была дана этому открытию в то время, когда

оно было сделано, а именно, что речь должна идти о частной христианской часовне, получает в настоящее время, несмотря на полемику и оживленную дискуссию¹, все большее авторитетное подтверждение.

После открытий в Геркулануме почитание креста, который был признан официально только эдиктом Константина и свидетельства о котором до сих пор находим только в памятниках II и III веков, теперь должно быть отнесено к периоду раньше, чем 79 г. н. э. Оно восходит к первым временам апостольской проповеди и могло появиться в Геркулануме благодаря проповеди апостола Павла и христианской общине Путцол (Путеол). Эта скромная находка из Геркуланума — одно из самых ценных свидетельств из всего раннего периода истории Церкви².

Как известно, именно в частных домах совершали первые христиане Евхаристию. «Последователи Христа, — пишет А. А. Дмитриевский, — после Его воскресения стали в особое положение к своим братьям по крови и принуждены были все вместе сидеть «дверем затворенным» «страха ради иудейска» (Ин. 20, 19). Замкнутость и обособленность в христианском обществе от иудеев продолжала существовать и после Пятидесятницы, после сошествия Святого Духа на апостолов, когда началась уже их миссионерская деятельность. «Страх же велий бяше на всех их. Все же веровавшие бяху вкупе и имяху вся обща» (Деян. 2, 44), а посему весьма естественно, что для своих богослужебных собраний они не могли пользоваться еврейскими синагогами и совершали их в частных домах, где они проводили время. «По вся же дни терпяще единодушно в Церкви, — читаем мы в Деяниях Апостольских, — ломяще по домам хлеб (κλῶντες κατ' οἶκον τὸν ἄρτον), приимаху пищу в радости и в простоте сердца хваляще Бога и имуще благодать у всех людей»³.

Домашняя церковь в Геркулануме очень точно соответствует тому, что раньше было известно лишь из памятников письменности, слова теперь приобрели осязаемость.

Трудно оценить во всем объеме значение находок, сделанных в Помпеях и Геркулануме, для истории раннехристианской Церкви. Хотя исследованы они еще недостаточно полно, уже сейчас дали много нового как раз для той эпохи, которая оставалась наименее изученной. Споры по поводу этих открытий и часто скептическое отношение к ним ученых — естественное следствие важности этих находок, так как они не просто дополняют отдельными фактами наше знание о раннем периоде христианства, но вносят нечто принципиально новое. Памятники Помпей и Геркуланума восходят к тому времени, когда черты, присущие христианскому искусству и символике, начинают лишь оформляться и получать внешнее выражение. Поэтому изучение их требует совершенно иного подхода, чем изучение памятников IV и даже III в. На этом пути уже многое сделано упомянутыми выше учеными, например, Ж. Даниелу. Но открытия, сделанные в Геркулануме и Помпеях, ждут еще дальнейшего серьезного осмысления.

¹ Часть специалистов отказывается видеть в кресте из Геркуланума памятник христианства на том основании, что изображения крестов этого времени неизвестны и что трудно допустить существование в это время «культы креста».

² A. Maiuri. Herculaneum, 1959.

³ А. А. Дмитриевский. Древнеиудейская синагога и ее богослужебные формы в отношении к древнехристианскому храму и его богослужебным формам. Казань. 1893, с. 28. Подробнее об этом см.: Н. В. Покровский. Происхождение древнехристианской базилики. СПб., 1880, и Н. Ф. Красносельцев. Очерки из истории христианского храма. Вып. 1. Казань, 1881.